

Н. А. Развадовская (Минск, Беларусь)

Традиции «вальтер-скоттовского» романа в повести А. С. Пушкина

«Капитанская дочка»

Как известно, своим появлением на свет исторический роман в существующем ныне виде обязан писателям-романтикам, в первую очередь, В. Скотту. Предложенную англо-шотландским писателем «формулу» написания исторических произведений с полным правом можно считать канонической и за истекшие 200 лет практически не подвергнувшейся существенной трансформации. Неслучайно исторический роман называют ещё и вальтер-скоттовским. Так что же такое исторический роман? Заглянем в литературоведческий словарь: роман, построенный на историческом сюжете, который воспроизводит в художественной форме какую-либо эпоху, определённый период истории. В историческом романе историческая правда сочетается с художественной, исторический факт – с художественным вымыслом, настоящие исторические лица – с лицами вымышленными, вымысел помещён в пределы изображаемой эпохи. Всё повествование в историческом романе ведётся на фоне исторических событий [1].

С лёгкой руки В. Скотта исторические роман и повесть прочно вошли не только в западноевропейскую и американскую литературу, но и в русскую. В русскую литературу жанр исторического романа вошел спустя 15 лет после публикации первого романа В. Скотта «Уэверли, или 60 лет назад» (1816), хотя первые, пусть и неудачные, попытки были сделаны Н. М. Карамзиным ещё до В. Скотта (повесть «Наталья, боярская дочь», 1792). И лишь в 30-х годах возник русский исторический роман, успехи которого отражали развитие национально-исторического самосознания русского общества, подъем его интереса к отечественному прошлому. Первым таким романом стал «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (1829) М. Загоскина. В последующие несколько лет появляется множество исторических романов, из которых определенную роль в

развитии жанра сыграли «Рославлев, или русские в 1812 году» (1830) М. Загоскина, «Димитрий Самозванец» (1829) Ф. Булгарина, «Клятва при гробе господнем» (1832) Н. Полевого, «Последний Новик, или завоевание Лифляндии при Петре 1» (1831–1833), «Ледяной дом» (1835) и «Басурман» (1838) И. Лажечникова, «Тарас Бульба» (1835) Н. Гоголя.

В свете этого совершенно неудивительно, что А. Пушкин в поисках новых жанровых форм обратился к историческому роману, взяв за основу «формулу» «вальтер-скоттовского» романа. Вообще между творчеством А. Пушкина и В. Скотта обнаруживается множество сходных черт. Оба начинали как поэты, и оба в зрелом возрасте обнаружили интерес к прозе. Как и для В. Скотта переход от поэзии к прозе А. Пушкина был совершенно естественным. Эволюция творчества А. Пушкина, его стремление разобраться в прошлом России, быте и нравах прошедших эпох неминуемо должны были привести писателя к исторической повести и роману.

А. Пушкину довелось жить и творить в один из самых бурных периодов европейской и русской истории, когда каждый думающий человек пытался ответить на вопрос: как после недавней победы над Наполеоном, после декабристского восстания и наступления реакции будет развиваться Россия? Пушкин понимал, что ответ на этот вопрос можно найти, только изучив сложившиеся формы общественной жизни, осознав материальные и духовные потребности страны, социальные отношения, культурные традиции. Эти проблемы и нашли свое отражение в повести «Капитанская дочка», определив общее направление мысли А. Пушкина. Он планировал написать исторический роман ещё в 1820-е годы («Арап Петра Великого, 1827), но по-настоящему исторической стала повесть «Капитанская дочка» (1836). Работа над повестью шла в течение 4 лет, замысел А. Пушкина не единожды менялся, на что указывает известная «Пропущенная глава», но неизменными оставались основополагающие принципы исторического романа, предложенные В. Скоттом.

А. Пушкин существенно углубил демократическое начало в русской литературе: социальная несправедливость, притеснения помещиков, крестьянский бунт – всё это встречается в «Капитанской дочке». Несмотря на заглавие, даже неискушённый читатель понимает, что отнюдь не Марья Миронова является главной героиней повести, а история и народ как совокупность всех классов, её творящий. И хотя повесть построена как мемуары Петра Гринёва, интригу чаще ведут простолюдины, спасают, милуют, дают советы (Савельич, Иван Игнатьич, Хлопуша, Пугачёв и др.). В них, а не в дворянах, воплощены мудрость, нравственность, идеальные порывы – всё то, что именуют загадочным *русским* характером.

Поразительным образом повесть А. Пушкина оказывается созвучна историческим романам В. Скотта. Как и В. Скотт, стремившийся показать своеобразие шотландского народа [2], А. Пушкин хотел показать самобытность народа русского, для чего он исследовал его психологию и нравы. И в этом тоже обнаруживается сходство В. Скотта и А. Пушкина, для которого «нравы» означали не только характер, но и историю культуры и общественного сознания. Как и у шотландского писателя, исторические события для Пушкина важны в той мере, в какой они отразились на сознании и благополучии народа, его духовной жизни; т. е. политические события в системе координат Пушкина утрачивают исключительность и воспринимаются как результат закономерного исторического развития, проявление традиций и борьбы сословий. Таким образом, главным вопросом для Пушкина оказывается истинно скоттовский вопрос: *как* определённое политическое событие отразилось на сознании народа. В совершенно скоттовской традиции А. Пушкин приходит к выводу, что историю вершит не отдельный человек (монарх или иной политический деятель), а психология, интересы и нужды масс.

В «Капитанской дочке» на первый план выводится народ; не отдельные личности, а все существовавшие в XVIII в. сословия, неслучайно в повести

каждый из персонажей, начиная от поручика Ивана Игнатьича и заканчивая Екатериной II (кстати, появляются лишь эпизодически!), одинаково важны.

«Капитанская дочка» А. Пушкина, формально будучи достаточно небольшим по объёму произведением (14 глав + пропущенная глава, не включённая в окончательную редакцию), поражает своим размахом – динамика событий, огромное количество типов и сословий и пр. Подобный казус объясняется желанием Пушкина вместить в одно повествование жизнь всей страны, изобразить частную судьбу на фоне общественных потрясений, связать жизнь отдельного человека с жизнью государства.

Начиная с XVIII в. в европейской литературе шли споры о возможности существования исторического романа, т. е. возможно ли сочетать в одном произведении исторические *факты* и художественный *вымысел*. И именно В. Скотт разрешил эту эстетическую проблему. Следуя за В. Скоттом, А. Пушкин сочетает в «Капитанской дочке» историю и вымысел. Он смело интерпретирует события таким образом, чтобы читатель заинтересовался, погрузился в эпоху, для чего включает в сюжет любовную интригу, которая решается писателем в истинно романтическом смысле (благородный герой, кроткая, страдающая сирота и соперник-злодей образуют любовный треугольник). В результате «Капитанская дочка», будучи насыщена психологическим содержанием, воспроизводит историю полнее, чем научные исследования, т. е. наряду с политическими событиями А. Пушкин изображает частную жизнь людей (Зурин, Швабрин, чета Гринёвых, Мироновых и др.), сочетает политическое действие с любовной интригой (Гринёв, Маша, Швабрин), реальных исторических личностей (Е. Пугачёв, Екатерина II, Афанасий Соколов (Хлопуша), И. Белобородов) и вымышленных лиц (Гринёв, Маша Миронова, Зурин). Именно вымышленные персонажи ведут любовную интригу, поскольку, как и В. Скотт, А. Пушкин освободил исторических персонажей от любовных волнений, что позволило более психологически достоверно воспроизвести характер исторических личностей (хотя романтическое,

а в случае с императрицей и сентиментальное начало, присутствует). При этом исторические герои Пушкина тесно связаны с эпохой, и их характеры и поступки определяются не столько личностными, сколько общественными процессами. Но также историчны и вымышленные персонажи «Капитанской дочки», особенно второстепенные, являющиеся типичными для России XVIII в., поэтому совершенно обоснованно можно утверждать, что А. Пушкин стремился создавать их как образы-типы.

«Капитанская дочка» изображает одну из переломных для России эпох – пугачёвский бунт. И это также неслучайно, т. к. именно в переломные периоды общественные противоречия (вспомним, «Пропущенную главу»), интересы и убеждения проявляются особенно чётко, а люди обнаруживают свою истинную суть. К тому же переломные эпохи изобилуют драматическими конфликтами, которые по-новому ставят нравственные проблемы общественной справедливости.

Взглянем теперь на ведущего персонажа – Петра Гринёва. У В. Скотта любимым героем был молодой человек, добрый, наивный, неиспорченный идеалист, не имеющий жизненного опыта. Пётр Гринёв именно такой. Выбор героя обусловлен стремлением А. Пушкина столкнуть неокрепшее сознание со сложностью жизни, избавиться от романтических иллюзий (традиция, ведущая начало от литературы XVIII в.). Его Гринёв, единственный и нежно любимый сын, внезапно оказывается в новой среде: не в уютном родительском доме, не в гвардейском полку Петербурга, а в захолустной Белгородской крепости, где в его существование врывается сама история, трагический пугачёвский бунт, и события приобретают калейдоскопический и драматический характер. Незнакомец, встреченный в буране и облагодетельствованный заячьим тулупчиком, оказывается самим Емельяном Пугачёвым. Эта, казалось бы, случайность имеет свою преднамеренность, при которой биография Гринёва приобретает логику.

Интересно, что первая встреча Гринёва с Пугачёвым заставляет вспомнить не только о романах В. Скотта, но и о готическом романе (которому, впрочем, не чужд был и В. Скотт). В главе «Вожатый» Пётр Гринёв сталкивается с таинственным незнакомцем (Пугачёвы), который позже будет определять сюжетные повороты. Появление в повести фигуры Швабрина также отсылает читателя к готическому роману: Гринёв и Маша Миронова становятся жертвами его интриг, и лишь в финале им удаётся восстановить справедливость. В свете этого «Капитанская дочка» приобретает философско-историческое значение: герои (прежде всего Гринёв и Маша) кажутся песчинками, затянутыми в водоворот историко-политических событий.

В повести А. Пушкина нет ничего случайного, неоднородного – всё включено в единый логический поток действия. Централизованный сюжет «Капитанской дочки» вырос из исторического мышления А. Пушкина, из понимания неразрывной связи между человеком и эпохой, между судьбой личности и общества. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сходство пушкинской повести с историческими романами В. Скотта проявляется не только на сюжетном, но и композиционном и идейном уровне.

Литература

1. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar.lib.ru/dict.htm>. – Дата доступа: 17.10. 2016.
2. Реизов, Б. Г. Творчество Вальтера Скотта / Б. Г. Реизов. — М.; Л., 1965. – 346 с.